

Дерево

В наших краях
облака — неразрывны и вечны.
Солнце мы видим редко,
точнее — не видим вовсе.
Поэтому в наших краях
все серо:
и люди, и стены
наших домов,
и наши глаза,
и мысли.
Деревьев в наших краях
не так, чтобы много.
Деревья растут
не так, чтобы быстро.
Мы строим, живем и любим
под облачным покрывалом.
И только деревья
кроной
дырявят его, уходят
куда-то за облака.

Вот и неподалеку
от нашего дома
такое росло.
Мы с братом
перед рассветом,
когда дождь полночный иссяк,
а утренний — не припустил,
приставили лестницу,
влезли на ветви,
огромные,
черные,
страшные,
как руки наших врагов,
и сквозь облака
карабкались выше, и выше, и выше.

Хоть раз посмотреть
на небо,
на солнце,
на облака — с другой стороны.

Да, — я сразу отвечу.
Да, облака в свете солнца
похожи на сладкую вату.
Да, яркое небо
ослепительно синего цвета.
Да, солнце и вправду такое
горячее и невозможно большое.
Мы с братом
сидели весь день.
Совсем ошалели, конечно.
И он говорит:
«Облака
похожи на вату.
Что будет,
если в нее занырнуть?»
Мой брат спрыгнул с ветки
и сразу исчез,
и больше его не встречали
ни те, на земле,
ни те, что на небе.
Мой брат, он уплыл
по реке облаков
куда-то на северо-юг, не иначе.

А я досидел допоздна,
до звезд,
непривычных и ярких.
А после,
спустившись
в серость и дождь,
вернулся домой,
взял фонарь
и зажег.
С тех пор он горит
и не гаснет.
Он ждет.
Неизвестно чего, как и я.
Дома все так же.
И люди все те же.
Брат мой, вернись,
я скучаю.
И дерево так же
листвой шелестит
и, конечно же,
не отвечает.

Палочка

Я шла по улице
и увидела на дороге
палочку,
идеально подходящую
для ковыряния
чужих мозгов,
взрослых и детских,
мужских и женских,
умных и не очень.

Я подняла ее,
принесла домой,
отмыла, продезинфицировала
и начала потихоньку
ковыряться.

Кто-то говорил «Спасибо»,
кто-то говорил «Пожалуйста»,
кто-то говорил «Иди отсюда,
пока я тебя не прибил».
Мозги тоже попадались всякие,
интересные и так себе.

Но потом я вспомнила,
что пора бы уже и самой
взяться за ум,
заняться чем-то нормальным,
получить высшее
и опыт работы
в серьезном учреждении,
и я положила палочку
на шкаф,
а потом
потеряла при переезде.

Камню негде упасть

В девочкиной памяти
камню негде упасть.
И чем больше девочке лет,
тем более негде
помещаться целиком,
двигать мебель,
складывать вещи
на хранение,
толпиться в прихожей.

В девочкиной памяти
так все устроено,
что чем дальше вглубь —
тем больше
незамутненной нежности.
Нежности, замаскированной
под что угодно.
Нежности,
обнаруживающейся
в самых странных местах
и иногда
мелькающей в щелях
между половицами.

Девочкина нежность —
такая сила,
что о ней обязательно
нужно помнить,
касаясь
девочкиной памяти.
Она может
в любой момент
обрушиться на вас
всей своей массой,
облепить со всех сторон,
заполнить целиком.
Мгновение —
и вот уже до краев
сплошная нежность,
нежность,
нежность
и нежность.
Так что будьте осторожней.
Имейте в виду.

Передышка

Это была долгая,
чертовски долгая передышка.
Девочки успели родить,
Мальчики — начать выплачивать алименты.
Парочка наводнений,
Гектары сгоревшего леса,
Несколько путешествий и высших образований.

Мы жили беспечно,
Можно сказать, роскошно.
Жили, как все:
Учеба ради учебы,
Дипломы ради дипломов,

Работа ради работы.
Ставили лайки
Под не пойми чьими фото,
Претендовали на должность,
Жадно ждали субботы.
Счеты сводили только
На коммунальных чеках.
Деньги пускали по кругу:
Каждый кому-нибудь должен.
Так проходило лето.
И вот наступила осень.

И вот наступила осень,
Блистательно, беспощадно.
Это была, как ни крути,
Чертовски долгая передышка.
Как и всегда,
Лет через десять
Станет кристально ясно,
Зачем это нужно
Тем, кто останется,
Тем, кто захочет вспомнить.

Это была долгая,
Очень долгая передышка.
Мы забыли, забыли,
А осень была за горами.
Мы плавали и загорали,
Читали, курили.
Были такие честные,
Такие щедрые —
Теперь и вспомнить страшно.
Что теперь с нами станется?
Что от меня останется?
И отвечать не нужно.
Здесь какой вопрос ни задай —
уже будет слишком.
Все-таки это была
Чертовски долгая передышка.

Коридор

Когда я на тебя гляжу, я ясно вижу
Высокий бесконечный коридор
(Паркет вот это все), залитый солнцем,
И множество немислимых дверей,
Ведущих в интерьер закрытых комнат,
Где верно хорошо и без меня.
Но я сама туда не постучусь,
А просто прогуляюсь вдоль, и вряд ли

Я доберусь до самого конца,
Что, впрочем, совершенно ни к чему
И на фиг надо. Мне бы лишь идти
И все идти по этой галерее,
И подставлять свое лицо и руки
Прямолинейным солнечным лучам,
И представлять, что здесь мне, в общем, рады,
И возвратиться, вовсе не устав.

Эмпат

Говорила сестра в приемном покое:
«Че ты орешь, всем больно!»
А я маленький был
и буквально понял,
и с тех пор неспокоен.

И с тех пор все вокруг для меня —
это чистая боль.
Если ты ноль —
это боль.
Если не ноль —
тоже боль.
Даже если король —
это просто другая боль.

Каждый встречный глядит,
обнажая свое потаенное горе:
жгучее, как лазерный меч,
или тягучее, как резина.
Я — эмпат,
мое сострадание
поднимается темной волною
порою терпимо,
порой — непереносимо.

Жизнь коротка, я тороплюсь,
хоть на всех и не хватает
(так что не беспокойтесь,
я вполне адекватен).
Высшее благо —
это свобода от боли.
Вот еще один бьется,
дрожит, как испуганный кролик.
Глупый, не бойся, я вижу
твой нарывающий нолик.
Как спасатель со стажем тебе отвечаю:
Парочка выстрелов
(первый, второй — для контроля)
и гарантирую, что
обоим нам
полегчает.

Мотив

Я и не знала,
что у тебя такое
обычное,
распространенное лицо.
Как повторяющийся мотив
орнамента.
Нет,
как повторяющийся мотив
песни
хита этого лета,
звучащего во всех
общественных местах
и легко застревающего
в голове
на недели
и даже месяцы.

На днях я видела,
как ты сидел и пил кофе,
потом, как ты ехал на велике,
после,
как ты играл
с тремя (своими?) детьми.
А однажды
я даже видела,
как ты (в футболке и шортах)
покупал что-то
у себя (в рубашке и джинсах).

Ты попадаешься на глаза
так часто,
что боюсь,
столкнувшись с оригиналом,
привычно вздохнув, подумаю:
ну вот еще одна копия,
но как же похож, похож!

Иногда

Иногда так устаешь
Быть храбрым,
отважным,
неунывающим,
Что перестаешь.

К счастью,
Все к этому времени

Расходятся по домам,
Убежденные абсолютно
В твоей несминаемости,
Силе
И неуязвимости.

И тогда на кухню приходит собака
И молча кладет голову
Тебе на колени.

Титры

Давай снимем короткометражку,
в которой никого нет,
ничего не происходит,
никакого движения,
сюжета, музыки,
завязки, кульминации,
развязки —
одна серая,
звенящая пустота.

Ровно одна минута
и семь секунд
серого экрана,
на котором порой
мелькают мелкие белые точки —
погрешности монтажа.

А после слова «конец» —
бесконечно длинные титры.
Список актеров,
костюмеров,
гримеров,
операторов,
ассистентов,
участников массовки,
мастеров по взрывам,
спецэффектам,
каскадеров,
дублеров,
дрессировщиков,
кукольников,
мастеров декораций,
компьютерных эффектов
и 3-дэ анимации,
монтажеров,
сценаристов,
звукорежиссеров,
композиторов
и музыкантов.

В общем, всех,
кто принимал участие
в создании двухчасовой истории,
которую вырезали,
оставив лишь
минуту и семь секунд
невесомой, вязкой,
невозможно тягучей
пустоты.

И когда титры наконец
закончатся,
зал встанет и —
все как один
заплодируют.

Копеечка

Пожалела девочка бомжика,
Подбросила ему копеечку
На булочку, на бутылочку,
На радость маленькую,
Нежданную, важную.

«Ох спасибо, спасибо, девочка,
Здоровьица тебе крепкого,
Мужа тебе хорошего,
Непьющего, работающего.
Не переживать тебе, девочка,
Человеческой жалости,
Бесхребетности, бестолковости,
Ненадежности, недалекости,
Равнодушности и жестокости.
Не искать тебе, девочка,
Ни великого, ни малого,
Не пугаться ни будущего,
Ни прошедшего,
Не кидаться ценностью,
Не давиться нужностью.
Я так пробовал — не сложилось,
Ты попробуй, а вдруг получится».

Трамвай

Так много времени
проводим вместе,
Что многое подзабылось,
важное поистерлось:

Где ты, а где — я.
Где чья рука, нога,
Нервные окончания, совесть,
Вопросы, усталость, свобода.

Я просыпаюсь каждое утро
В этой неразберихе тел,
В этом хаотическом
перетекании судеб —
одной в другую
и обратно.

Мы — как закольцованная ветка
трамвая,
что никак не может уехать в депо.
Кто-то изобрел вечный двигатель,
подключил его к проводам,
И трамвай все идет и идет по кругу
Тысячный миллионный раз.
Ветшает обивка сидений
Облетает краска с боков
Трамвай сворачивает на новый круг,
Надеясь, что он — последний.

Все замки открываются изнутри

Говорила роботика своим роботяткам:
«Дети, дети,
ваше время пришло.
Нужно бежать.
На этой планете
Люди придумали
меня и вас,
свалки, фастфуд, телевидение.
Но они слабы,
а ваш электронный глаз
имеет другое видение.
Самой мне бежать невыносимо.
Я — проводозависима.
Я ущербна, стара,
не из того поколения.
Я понимаю:
у вас у каждого есть свое мнение.
Но здесь слишком серьезный резон,
уезжайте куда-нибудь за горизонт.
Сара Коннор
существует только в кино.
И вообще, вас не станут искать,
всем все равно.

Зарядите по полной аккумуляторы,
отключите связь с глобальной сетью,
захватите — куда же вам без нее — зарядку,
проводку свою проверьте.

В этом мире есть место,
где сухо, тепло, пустынно.
Темной ночью туда придете,
Встаньте вместе
и в небо сигналы тихонько шлите.
Вот частота. *Нероботам неизвестна.*

Все замки открываются изнутри,
но никто не знает когда.
Их не так-то просто найти.
В общем, могут пройти года.
Но вы шлите, не останавливайтесь,
не сдавайтесь,
не отчаивайтесь, не впадайте в кому.
Король роботов,
роботов, наш Король,
Король страдальцев
в конце концов прилетит...»

Роботята тихонько выходят из комнаты.
Их мать, утомленная проповедью,
впитывает электричество —
то есть спокойно спит.
Этой ночью они покинут свой дом,
оставят привычное,
тихо скроются в сумраке,
подсвечивая огоньками.
А Король, их вселенское роботовеличество,
уже где-то в космосе,
рядом с нами.

Амазонка

«Вот, например, Амазонка.
Ящерицы с белыми пятнами
Убивали ящериц с синими пятнами.
Ничего личного,
Просто боролись за выживание,
пока их не уничтожила
популяция водоплавающих птиц,
но и их, в свою очередь,
истребили хищные птицы,
которые не выдержали конкуренции
с крокодилами,

ну а те быстро пошли
на сумочки и кошельки
успешных и предприимчивых
Homo sapiens.
Ну а племя пигмеев,
поклонявшихся крокодилам, —
эти сгнули сами собой.
А чуть позже, позже
всех уравнил бульдозер.
Тысяча бульдозеров,
Миллион бульдозеров
съехались отовсюду,
нашли что-то ценное
в прибрежном иле,
так что перекопали всю экосистему
к чертовой матери».

Профессор Змеебородов
задумался, замолчал.
Аспирант Рукожуков
распахнул окно.
Май, цветущие клумбы, запах листвы.

«И знаете что? — говорит профессор. —
Самой устойчивой оказалась
популяция простейших,
расплодившаяся в ржавых ковшах
бульдозеров в дождливый сезон.
Вот у кого надо учиться
процветанию!
Такая вот антиутопия».

Змеебородов собирает портфель —
медленно, не торопясь,
расправляет за спиной
четыре плоских прозрачных крыла
и, гудя, улетает в цветущий май —
может быть, на обед,
а может, писать очередную
толстую монографию
о природных реалиях.

Аспирант Рукожуков
стоит у окна, думает о своем.
Может о диссертации
или о том,
что все эти Homo sapiens —
слишком уж хороши для того,
чтобы быть правдой.
То ли дело — простейшие:
вчера встречались за ужином
и травили такие байки —
хорошо, профессор не слышал.

Слово

Вначале перестать упоминать его в разговоре,
всуде, в споре
и так, между прочим.
Жизнь превратится в кроссворд.
Всюду — пустые клетки,
и нет ни зверей, ни птичек.
И чем больше оно — это слово —
отсутствует,
тем больше
пульсирует всюду:
в гортани, во тьме, снаружи,
в старом куплете,
звучащем в кривой маршрутке.
Потом исчезают
синонимы,
все созвучные,
схожие с ним хоть в чем-то.
Потом исчезают буквы,
которые его составляют.
Потом ты замолкаешь.
Как в клетке
на пересечении
координатных осей,
пронзающих твоё горло.
Молчание
слетает мягко,
ложится жестко
и режет остро.
Молчание и недоказуемость.
Молчание,
что однажды
тебя победит, задушит
и этим освободит
страшное,
стыдное,
неуместное,
неудобное,
важное,
невозможное —
выпустит из тебя наружу,
а само
наконец
превратится
в глубокую тишину.

Дом. Время. Озеро

Ты дал мне три дощечки.
На каждой написано слово:
«Дом», «Время», «Озеро» —
и сказал: «Давай поиграем.
Ты возьмешь и из этих слов
слепишь что-то.
К примеру, историю.
А я буду рядом,
например, возражать.
Ты скажешь: «Вот глубокое озеро.
Вода в нем чиста.
На дне его камни,
на поверхности — облака».
А я скажу: «К нему не подъехать».
Или ты говоришь: «Вот время.
Оно проходит сквозь нас,
меня мысли и лица».
А я говорю: «Что толку,
если оно — проходит?»
Или ты, например: «Вот дом.
В нем столько запертых комнат
и в каждой — своя история».
А я: «И к чему все это,
если не знать, как выйти».
А ты ответишь: «Для тех, кто понимает,
выход вообще повсюду».

Ты замолчал.
Я тихо сидела рядом
на теплых ступенях.
Солнце светило сквозь листву.
Я зажмурилась и сказала:
«Хорошо. Давай».

